

Россия – путь сквозь века

«КОРОННЫЕ ПЕРЕМЕНЫ» –
ДВОРЦОВЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ
1725–1762 ГГ.

Россия – путь сквозь века

**«Коронные перемены» –
дворцовые перевороты.
1725–1762 гг.**

«Просвещение»

2010

«Коронные перемены» – дворцовые перевороты. 1725–1762 гг. / «Просвещение», 2010 — (Россия – путь сквозь века)

Предлагаемая читателю книга продолжает серию «Россия – путь сквозь века». Она посвящена периоду с 1725 по 1762 гг., метко названному В. О. Ключевским «эпохой дворцовых переворотов». За 37 лет на престоле сменилось шестеро правителей. Все они приходили к власти в результате интриг враждующих дворянских группировок, главную роль при этом играла гвардия. В эти годы Россия вела тяжелые войны, дворянство добивалось расширения своих прав, положение крестьян ухудшалось, а правительства тратили средства скудного бюджета на увеселения государей. Однако в эти же годы продолжалось освоение Дальнего Востока, открывались новые учебные заведения, развивались наука и искусство. Книга продолжает знакомство читателей с русской историей.

, 2010

© Просвещение, 2010

Содержание

Предисловие	6
Эпоха коронных перемен	8
После смерти Петра Великого	9
Екатерина I	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

**«Коронные перемены» –
дворцовые перевороты
Составитель М. Н. Смыр**

В книге использованы тексты из «Русской истории»

В. О. Ключевского (В. К-ский)

Авторы тематических статей:

Багрова Л. (Л. Б.), Волков В. В. (В. В.), Воронин Вс. (Вс. В.), Воронин И. В. (И. В.), Горский В. (В. Г.), Наумов О. (О. Н.), Перевезенцев С. (С. П.), Секачев В. (В. С.), Секачева Е. (Е. С.)

Предисловие

Калейдоскоп смены правителей России во второй четверти 18 века во многом был обусловлен законом, изданным Петром I 5 февраля 1722 г. Он изменил порядок престолонаследия, заменив завещание и соборное избрание назначением преемника лично царствующим государем. Петр не успел назвать наследника престола перед смертью, чем и воспользовались различные дворянские группировки. «Коронные перемены» не заставили себя ждать.

С помощью гвардии к власти пришла вдова Петра Екатерина I (1725–1727), при которой новая знать сохраняла власть. Когда Екатерины I не стало, императорский трон занял внук Петра I Петр II Алексеевич (1727–1730), и родовитой потомственной знати удалось вернуть свое влияние на государственные дела. После скоропостижной смерти Петра II на престол возшла Анна Ивановна (1730–1740), племянница Петра I, дочь его брата Ивана. В правление Анны Ивановны у власти оказалась «немецкая партия» во главе с ее фаворитом Бироном. После смерти Анны Ивановны ей наследовал младенец Иван VI Антонович, а правительницей России стала его мать Анна Леопольдовна. Власть сохранили иноземцы. Русские, в том числе гвардия, были оскорблены засильем иностранцев и поддержали младшую дочь Петра I Елизавету Петровну (1741–1762), которая в результате очередного дворцового переворота заняла престол. После смерти Елизаветы Петровны на престол возшел внук Петра I принц Карл Петр Ульрих под именем Петра III (1761–1762). Антироссийская политика Петра III привела к новой смене власти, и самодержицей стала его супруга под именем Екатерины II. События 1762 г. завершили «эпоху дворцовых переворотов».

Быстро сменяющиеся на троне правители мало заботились о благе государства, предпочитая великосветские развлечения занятиям политикой и финансами.

Правление Анны Ивановны, когда у кормила власти оказались иноземцы во главе с Бироном, было отмечено рядом территориальных потерь (прикаспийские области). Несмотря на героические усилия и победы русской армии русско-турецкая война 1735–1739 гг. окончилась невыгодным для России мирным договором. В 1724 г. был отменен протекционистский тариф, а в 1734 г. – заключен торговый договор с Англией, по которому Россия лишалась существенных доходов. Единственным внешнеполитическим успехом стало принятие казахским ханом Абулхаиром российского подданства.

В царствование Елизаветы Петровны Россия вступила в Семилетнюю войну (1756–1762), знаменитую блестящими победами русского оружия. Но в 1762 г. Петр III, поклонник прусского короля Фридриха, сменивший на престоле скончавшуюся императрицу, подписал с Пруссией мирный договор, вернув Пруссии все завоеванные в ходе войны земли.

Во внутренней политике той эпохи самым знаменательным стало расширение дворянских привилегий: манифест 1762 г. позволял дворянам оставлять военную службу, были отменены ограничения в наследовании имений, предоставлена монополия на винокурение, открыт заемный банк с льготными кредитами.

Продолжалась эпоха великих географических открытий. Шло освоение Восточной Сибири, Дальнего Востока, Камчатки, Северного морского пути. Всемирную известность приобрели исследования Атласова, Крашенникова, Анциферова, Беринга.

На культурное развитие России этого периода глубокое влияние оказали реформы Петра I в просвещении и науке. Открывались школы и училища, был основан Московский университет, открыта Академия наук без богословской кафедры. Появились русские учебники Смотрицкого, Манкиева, Магницкого.

Творили поэт-сатирик А. Кантемир и М. Ломоносов, портретисты Никитин и Матвеев, в архитектуре сложился стиль «московского барокко»

Дворцовые перевороты 1725–1762 гг. не повлекли за собой ни политических, ни социальных кардинальных изменений. Но политика каждого из шести монархов имела свои особенности. В целом к концу правления Елизаветы была достигнута социально-экономическая и политическая стабилизация.

В издании использованы материалы книги выдающегося русского историка В. О. Ключевского «Русская история», а также тематические статьи современных историков – ученых Института всеобщей истории РАН. Эти статьи, сопровождающие соответствующие главы лекций В. О. Ключевского, создадут для читателя более яркую картину эпохи.

Эпоха коронных перемен

В. О. Ключевский отмечал, что время от 1725 до 1762 г. составляет особую эпоху, отличающуюся новыми явлениями в государственной жизни России, хотя основы ее остаются прежние. Эти явления обнаруживаются сразу после смерти Петра Великого и стоят в тесной связи с некоторыми последствиями его деятельности.

После смерти Петра Великого

Несмотря на важность реформ, которые проводил Петр I, основа его преобразований, по мнению В. О. Ключевского, была недостаточно крепкой, а подобранные им «дельцы», которым он мог завещать продолжение своего дела, были ненадежны. Кроме того, преобразования Петра вызывали мало понимания и сочувствия не только у простого народа, но и у части высшего общества. Все это ставило под сомнение возможность дальнейшего энергичного продолжения реформ, начатых царем-преобразователем. Время показало, что развитие событий превзошло самые худшие опасения.

ДВОРЦОВЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ – насильственная смена правящих монархов или дворцовых группировок.

За периодом российской истории с 1725 по 1762 гг. прочно закрепилось определение «эпоха дворцовых переворотов». Впервые его использовал историк В. О. Ключевский. В эти годы за влияние на русских монархов боролись разные дворянские группировки. Важнейшую роль в дворцовых переворотах играла гвардия.

Первый дворцовый переворот произошел в 1725 г. К моменту смерти (28 января 1725 г.) Петр I так и не успел высказать своей воли о наследнике престола. В спорах между представителями старой знати (Долгорукие, Голицыны, Репнины и др.) и «птенцами гнезда Петрова» (А. Д. Меншиков, П. А. Толстой и др.) верх взяла новая знать. По ее призыву гвардейские полки потребовали провозгласить императрицей Екатерину Алексеевну, супругу Петра I.

В мае 1727 г., после ее смерти императором стал Петр II Алексеевич, внук Петра I, при котором большое влияние сохранял Меншиков. Но в сентябре 1727 г. Долгорукие добились ареста и ссылки Меншикова. Таким образом старая знать вернула власть в свои руки, поэтому события сентября 1727 г. считаются вторым дворцовым переворотом.

В январе 1730 г., после смерти Петра II произошел следующий дворцовый переворот. Старая знать из Верховного тайного совета (Долгорукие и Голицыны) призвала на престол Анну Ивановну, племянницу Петра I, дочь его брата Ивана. Они пытались заставить ее подписать «кондиции», ограничивающие власть императрицы. Усиление власти Голицыных и Долгоруких вызывало недовольство менее родовитых дворян и гвардейских офицеров. Они поддержали Анну Ивановну. Она при всех разорвала «кондиции» и провозгласила себя самодержицей. В годы ее правления резко усилилось влияние немцев, соотечественников ее фаворита Э. Бирона.

После смерти Анны Ивановны (17 октября 1740 г.) императором был объявлен младенец Иван VI Антонович, а правительницей России – его мать Анна Леопольдовна. Регентом при нем стал Бирон. Но через три недели, 8 ноября 1740 г., фельдмаршал Б. К. Миних с отрядом из 80 гвардейцев, совершил дворцовый переворот и арестовал Бирона. Но власть сохранила «немецкая партия».

Русское дворянство, представленное при императорском дворе гвардией, было недовольно немецким засильем. Поэтому гвардия поддержала стремление младшей дочери Петра I Елизаветы Петровны занять престол. Советом и деньгами ей помогли французский посол в Петербурге маркиз де Ла Шетарди и шведский посланник барон Нолькен. Опираясь на этих союзников, Елизавета во главе отряда Преображенского полка в ночь на 25 ноября 1741 г. произвела пятый дворцовый переворот и взошла на российский престол. Ивана Антоновича отправили сначала в ссылку, а потом в тюрьму, в Шлиссельбургскую крепость, где он и умер.

После смерти Елизаветы Петровны российский престол под именем Петра III занял в 1761 г. внук Петра I принц Карл Петр Ульрих.

Став императором, Петр III отдал Фридриху II все плоды русских побед, одержанных Елизаветой Петровной в Семилетней войне, и вступил в союз с Пруссией, что вызвало сильное раздражение в военных кругах. Еще большее недовольство вызвали иностранцы, которых Петр III охотно приглашал на службу в Россию. Все это стало почвой для нового переворота. По словам самой Екатерины Алексеевны, его главой стали братья Орловы – Григорий, Алексей и Иван. Среди заговорщиков были Е. Дашкова (Воронцова), капитан П. Пассек, В. Бибииков, князь Ф. Барятинский. Под утро 28 июня 1762 г. Екатерину из Петергофа до казарм Измайловского полка доставили Алексей Орлов и Федор Барятинский. Произошел шестой дворцовый переворот. Петр III был арестован и вскоре убит охранявшими его гвардейскими офицерами. Его супруга взошла на российский престол под именем Екатерины II. Переворот 1762 г. завершил собой «эпоху дворцовых переворотов». *В. Г.*

Екатерина I

После смерти Петра Великого престол достался его жене Екатерине. Малообразованная императрица не могла самостоятельно управлять государством, и потому всеми делами заправлял всесильный Светлейший князь А. Д. Меншиков. Через два года на русский трон был посажен Петр II, тоже недолго продержавшийся у власти. О том, как развивались события, рассказывает В. О. Ключевский в своих лекциях по русской истории.

ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЕ. Прежде всего, как и подобает в государстве с абсолютной властью, судьба русского престола оказала решительное действие на ход дел и действие, несогласное с духом и планами преобразователя. Надобно припомнить преемство верховной власти после Петра. В минуту его смерти царствовавший дом распался на две линии – императорскую и царскую: первая шла от императора Петра, вторая от его старшего брата, царя Ивана. От Петра I престол перешел к его вдове императрице Екатерине I, от нее ко внуку преобразователя Петру II, от него к племяннице Петра I, дочери царя Ивана Анне, герцогине курляндской, от нее к ребенку Ивану Антоновичу, сыну ее племянницы Анны

Леопольдовны брауншвейгской, дочери Екатерины Ивановны, герцогини мекленбургской, родной сестры Анны Ивановны, от низложенного ребенка Ивана к дочери Петра I Елизавете, от нее к ее племяннику, сыну другой дочери Петра I, герцогини голштинской Анны, к Петру III, которого низложила его жена Екатерина II. Никогда в нашей стране, да, кажется, и ни в каком другом государстве, верховная власть не переходила по такой ломаной линии. Так ломал эту линию политический путь, каким эти лица достигали власти: все они попадали на престол не по какому-либо порядку, установленному законом или обычаем, а случайно, путем дворцового переворота или придворной интриги. Виною того был сам преобразователь: своим законом 5 февраля 1722 г., как видели мы, он отменил оба порядка престолонаследия, действовавшие прежде, и завещание, и соборное избрание, заменив то и другое личным назначением, усмотрением царствующего государя. Этот злополучный закон вышел из рокового сцепления династических несчастий.

По привычному и естественному порядку наследования престол после Петра переходил к его сыну от первого брака царевичу Алексею, грозившему разрушить дело отца. Спасая свое дело, отец во имя его пожертвовал и сыном, и естественным порядком престолонаследия. Сыновья от второго брака Петр и Павел умерли в младенчестве. Оставался малолетний внук, сын погибшего царевича, естественный мститель за отца. При вероятной возможности смерти деда до совершеннолетия внука опеку, значит, власть, могла получить которая-либо из двух бабушек: одна – прямая, озлобленная разводка, монахиня, сама себя расстригшая, Евдокия Федоровна, урожденная Лопухина, ненавистница всяких нововведений; другая – боковая, привенчанная, иноземка, простая мужичка темного происхождения, жена сомнительной законности в глазах многих, и, достанься ей власть, она, наверное, отдаст свою волю первому любимцу царя и первому казнокраду в государстве князю Меншикову.

Можно представить себе душевное состояние Петра, когда, свалив с плеч шведскую войну, он на досуге стал заглядывать в будущее своей империи. Усталый, опускаясь со дня на день и от болезни, и от сознания своей небывалой славы и заслуженного величия, Петр видел вокруг себя пустыню, а свое дело на воздухе и не находил для престола надежного лица, для реформы надежной опоры ни в сотрудниках, которым знал цену, ни в основных законах, которых не существовало, ни в самом народе, у которого отнята была вековая форма выражения своей воли, земский собор, а вместе и самая воля. Петр остался с глазу на глаз со своей безграничной властью и по привычке в ней искал выхода, предоставив исключительно ей назначение преемника. Редко самовластие наказывало само себя так жестоко, как в лице Петра этим зако-

ном 5 февраля. Один указ Петра гласил, что все законы писать, если их не исполнять. И закон 5 февраля был все написан, потому что не был исполнен самим законодателем. Целые годы Петр колебался в выборе преемника и уже накануне смерти, лишившись языка, успел только написать: «Отдайте все...», а кому – ослабевшая рука не дописала явственно.

Лишив верховную власть правомерной постановки и бросив на ветер свои учреждения, Петр этим законом погасил и свою династию как учреждение: остались отдельные лица царской крови без определенного династического положения. Так престол был отдан на волю случая и стал его игрушкой. С тех пор в продолжение нескольких десятилетий ни одна смена на престоле не обходилась без замешательства, кроме разве одной: каждому воцарению предшествовала придворная смута, негласная интрига или открытый государственный удар. Вот почему время со смерти Петра I до воцарения Екатерины II можно назвать эпохой дворцовых переворотов. Дворцовые перевороты у нас в 18 в. имели очень важное политическое значение, которое выходило далеко за пределы дворцовой сферы, затрагивало самые основы государственного порядка.

Одна черта, яркой нитью проходящая через весь ряд этих переворотов, сообщала им такое значение. Когда отсутствует или бездействует закон, политический вопрос обыкновенно решается господствующей силой. В 18 в. у нас такой решающей силой является гвардия, привилегированная часть созданной Петром регулярной армии. В царствование Анны к петровским гвардейским полкам, Преображенскому и Семеновскому, прибавились два новых, Измайловский и Конногвардейский. Ни одна почти смена на русском престоле в означенный промежуток времени не обошлась без участия гвардии; можно сказать, что гвардия делала правительства, чередовавшиеся у нас в эти 37 лет, и уже при Екатерине I заслужила у иностранных послов кличку «янычар». Сделаем краткий обзор этих переворотов. *В. К-ский*

ВОЦАРЕНИЕ ЕКАТЕРИНЫ. Петр умер 28 января 1725 г., не назначив себе преемника. Однако люди, которым предстояло распорядиться брошенной короной, не остались без указания, как поступить. Как ни туманно изложен устав 5 февраля, он заключал в себе и свое толкование, сопоставляя распоряжение Петра о престолонаследии с его же указом о единонаследии, как основанным на одинаковых соображениях и началах. А в этом указе установлен порядок наследования не только по завещанию, но и по закону, именно: при отсутствии сыновей наследует старшая из дочерей. Но старшая дочь Петра Анна при обручении с герцогом голштинским в 1724 г. в брачном договоре под присягой отказалась вместе с женихом от русского престола за себя и за свое потомство. Законное наследство переходило ко второй дочери Петра – Елизавете. Ни на каком основании в очередь наследования не могла стать вдова императора: по указу 1714 г., как и по исконному русскому праву наследования, вдова-мать при детях обеспечивается и может опекать несовершеннолетних наследников, но не наследует. Однако в исполнение закона последовало то, что всего более ему противоречило.

Дело в том, что остатки родовитой знати, князя Голицыны, Долгорукие, верные старому обычаю престолонаследия, признавали законным наследником великого князя Петра, единственного уцелевшего мужчину в царском доме. Но знать чиновная, выведенная Петром I, – Меншиков, Толстой много других были решительно против этого наследника, воцарение которого им, врагам его отца, царевича Алексея, как и самой Екатерине, грозило великими бедами. Для них дело было не в праве и законности, а в том, чья возьмет: проиграй они – им ссылка или из-под кнута каторга, а Екатерине с дочерьми – монастырь. Из страха ли перед внуком другой бабушки или по проснувшемуся властолюбию Екатерина хотела сама царствовать, а не опекать и видела соперниц в своих дочерях. Она торопила все более изнемогавшего царя с замужеством обеих царевен, чтобы вовремя удалить соперниц со сцены.

Отец хотел устроить им, как дочерям могущественного европейского potentата и притом редким красавицам и умницам, по депешам иноземных послов, возможно блестящие династи-

ческие партии, прочил их за самых видных принцев крови, и за французского, и за испанского, и за прусского, рассылая их портреты и в Версаль, и в Мадрид. Этот аукцион царственных невест запутывал и затруднял Петру решение и без того тяжкого вопроса о престолонаследии.

Когда близость его смерти стала очевидна, Меншиков и Толстой пустили в ход все пружины агитации за себя и за Екатерину. Всего важнее было приобрести войско, особенно гвардию, что было нетрудно: гвардия была вполне предана своему творцу и любила его походную жену-солдатку. Впрочем, обещаны были денежные награды, облегчены служебные тяготы, уплачено недоданное жалованье, приняты меры предосторожности. Простившись с безмолвным уже царем, гвардейские офицеры отведены были Меншиковым к царице и с рыданиями поклялись ей скорее умереть у ее ног, чем допустить на престол кого-либо другого. Все было обработано расторопно и толково, в то время как противная сторона сидела сложа руки.

Ночью на 28 января 1725 г., когда Петр лежал в предсмертной агонии, сенаторы и другие сановники собрались во дворце для совещания о преемнике. Спорили долго, искали воли умиравшего императора всюду, только не там, где можно было ее найти, не в законе 5 февраля, призвали кабинет-секретаря Макарова, спрашивали у него, нет ли чего на этот счет, и получили отрицательный ответ. Странники великого князя предлагали противникам сделку – возвести его на престол с тем, чтобы до его совершеннолетия правила Екатерина с Сенатом; но изворотливый Толстой с большой диалектикой возражал на это. При этих прениях в углу залы совещания каким-то образом очутились офицеры гвардии, неизвестно кем и зачем сюда призванные. Подобно хору античной драмы, не принимая прямого участия в развертывавшейся на сцене игре, а только как бы размышляя вслух, они до неприличия откровенно выражали свои суждения о ходе совещания, заявляя, что разобьют головы старым боярам, если они пойдут против их матери Екатерины.

Вдруг раздался с площади барабанный бой: оказалось, что перед дворцом выстроены были под ружьем оба гвардейских полка, тоже неизвестно, кем и зачем сюда вызванные из казарм. Князь Репнин, президент военной коллегии, сердито спросил: «Кто смел без моего ведома привести сюда полки? Разве я не фельдмаршал?» Бутурлин, командир Семеновского полка, отвечал Репнину, что полки призвал он, Бутурлин, по воле императрицы, которой все подданные обязаны повиноваться, «не исключая и тебя», добавил он внушительно. При гвардейском содействии искомая воля императора единодушно, без пререканий была найдена в коронации Екатерины, совершившемся в 1724 г.; этим-де актом она назначена наследницей престола в силу закона 5 февраля; ее Сенат и провозгласил самодержавной императрицей.

Отменив закон его толкованием, Сенат в манифесте от себя, а также от Синода и генералитета, вовсе и не участвовавших в сенатском совещании, объявлял о воцарении Екатерины не как о своем избирательном акте, а только как об истолкованной Сенатом воле покойного государя: он удостоил свою супругу короною и помазанием; это объявляется во всенародное известие, дабы все о том ведали и ей, самодержице всероссийской, верно служили. О земском соборе, в котором прежде видели основной источник права, когда государство оставалось без государя, теперь не было и помина: недавнее прошлое успело стать давно забытой стариной, хотя еще сам Петр был избран на престол чем-то вроде земского собора. При Петре не принято было говорить о земском соборе, и только чудака Посошков сделал Петру запоздалое напоминание о созыве всех чинов для составления нового уложения.

Во все короткое царствование Екатерины правительство заботливо ласкало гвардию. В официальной газете не раз появлялись правительственные сообщения о том, как правительство печется о гвардии. Императрица на смотрах в своей палатке из собственных рук угощала вином гвардейских офицеров. Под таким прикрытием Екатерина процарствовала с лишком два года благополучно и даже весело, мало занимаясь делами, которые плохо понимала, вела беспорядочную жизнь, привыкнув, несмотря на свою болезненность и излишнюю полноту, засиживаться до пяти часов утра на пирушках среди близких людей, распустила управление,

в котором, по словам одного посла, все думают лишь о том, как бы украсть, и в последний год жизни истратила на свои прихоти до 6 ¹/₂ миллиона рублей на наши деньги, между тем как недовольные за кулисами на тайных сборищах пили за здоровье обойденного великого князя, а тайная полиция каждый день вешала неосторожных болтунов. Такие слухи шли к европейским дворам из Петербурга. *В. К-ский*

ЕКАТЕРИНА I АЛЕКСЕЕВНА (05.04.1683–06.05.1727 гг.) – российская императрица в 1725–1727 гг., супруга Петра I. Достоверных сведений о детских годах будущей российской императрицы и ее родителях не имеется. Известно лишь, что среди захваченных в 1702 г. русскими войсками пленных находилась девица Марта Скавронская. Сначала она попала в услужение к фельдмаршалу Б. П. Шереметеву, затем к князю А. Д. Меншикову. Через некоторое время царь Петр I сделал ее своей фавориткой. В 1705 г. Марта приняла православие и получила имя Екатерины Алексеевны. В 1712 г. она стала женой российского императора. 7 мая 1724 г. Петр I торжественно короновал Екатерину Алексеевну императрицей, сам возложил на ее голову императорскую корону.

28 января 1725 г. Петр I умер, не успев назначить наследника. Среди его ближайших сподвижников началась борьба. Меншиков и другие «птенцы гнезда Петрова» желали видеть на престоле Екатерину, родовитые вельможи, старая знать – внука Петра I, царевича Петра Алексеевича, которому в это время было всего 10 лет. Меншикову удалось привлечь на сторону Екатерины гвардейские полки. Их позиция оказалась решающей.

Заняв престол, Екатерина I заявила о продолжении реформ своего мужа. В 1725 г. в Санкт-Петербурге была открыта Академия наук; отправлена экспедиция В. Беринга, чтобы узнать, есть ли перешеек между Азией и Северной Америкой; упорядочена система цифирных школ и семинарий. Особое внимание уделялось поддержанию боеспособности армии и флота. Сама Екатерина не умела ни читать, ни писать, и за нее расписывалась дочь Елизавета. В помощь императрице в 1726 г. был создан Верховный тайный совет, в котором на равных участвовали и сторонники Петра I, и старые вельможи. Совет возглавляла сама Екатерина, а наибольшим влиянием пользовался Меншиков. Сама же императрица большую часть времени проводила на балах и устраивала многочисленные праздники. Россией фактически управлял Меншиков.

При Екатерине I начинается политика увеличения привилегий дворянства. Одновременно были сделаны послабления простому люду: уменьшилась подушная подать, ликвидирована часть налогов, введенных при Петре I.

В нач. 1727 г. состояние здоровья Екатерины I ухудшилось и в мае она скончалась, назначив своим наследником Петра Алексеевича. Похоронена в Санкт-Петербурге, в Петропавловской крепости. В браке с Петром I у Екатерины Алексеевны родилось несколько детей, но в живых осталось только две дочери – Анна (мать будущего российского императора Петра III) и Елизавета (будущая российская императрица в 1741–1761 гг.). *И. В.*

ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАСТРОЕНИЕ ВЫСШЕГО КЛАССА. Деятельность Петра во всем русском обществе пробудила непривычную и усиленную работу политической мысли. Переживали столько неожиданных положений, встречали и воспринимали столько невиданных явлений, такие неиспытанные впечатления ложились на мысль, что и неотзывчивые умы стали задумываться над тем, что творилось в государстве. Излагая народные толки при Петре и про Петра, я указывал, как оживленно пересуживали самые простые люди текущие явления, далекие от их ежедневного кругозора. Но странные явления, которые так возбуждали общее внимание, не прекращались и после Петра.

Древняя Русь никогда не видала женщин на престоле, а по смерти преобразователя на престол села женщина, да еще неведомо откуда взявшаяся иноземка. Эта новость вызвала

в народе много недоразумений, печальных или забавных. Так, во время присяги императрице-вдове некоторые простачки в Москве отказались присягать, говоря: «Если женщина стала царем, так пусть женщины ей и крест целуют». Это возбуждение политической мысли прежде и сильнее всего должно было обнаружиться в высшем классе, в дворянстве, ближе других сословий стоявшем к государственным делам, как привычное орудие правительства. Но это оживление неодинаково проявилось в различных слоях сословия. Между тем как в рядовом дворянстве, беспощадно выгоняемом из захолустных усадеб в полки и школы, мысль изошрялась на изобретении способов, как бы отбыть от науки и службы, в верхних слоях, особенно в правительственной среде, умы усиленно работали над более возвышенными предметами.

Здесь еще уцелели остатки старой боярской знати, образовавшие довольно тесный кружок немногих фамилий. Из общего политического возбуждения здесь выработалась своего рода политическая программа, сложился довольно определенный взгляд на порядок, какой должен быть установлен в государстве. Различные условия помогали более раннему и углубленному напряжению политической мысли в этом родовитом и вместе высокочинном слое дворянства. Прежде всего здесь еще не успели погаснуть некоторые политические предания, шедшие из 17 в., а в 17 в. московское боярство сделало несколько попыток ограничить верховную власть, и одну из них, предпринятую при царе Федоре и едва не удавшуюся, помнили еще и по смерти Петра старики, входившие в состав этой знати.

Да и сам Петр, как ни мало это на него похоже, своей областной децентрализацией, этими восемью губернскими царствами 1708 г. с полномочными проконсулами во главе их, мог только освежить воспоминание о великородных наместниках, задуманных в боярском проекте 1681 г., а произвол Петра, его пренебрежение к породе подогревали эти воспоминания, с другой стороны. Мы уже знаем, что последние десятилетия 17 в., особенно время правления царицы Натальи, отмечены были современниками как начальная эпоха падения первых знатнейших фамилий и возвышения людей из «самого низкого и убогого шляхетства». При Петре эти люди стали первыми вельможами, «большими господами государства». В головах, заучивавших наизусть десятки поколений своих занумерованных родословных предков, антагонизм старой и новой знати преображал свежие предания прошедшего в светлые мечты будущего.

Прожектеры Петра I не могли заметно повлиять на политическое сознание русского общества. Их проекты не оглашались, обсуждали преимущественно вопросы практического характера, финансовые, промышленные, полицейские, не касаясь основ государственного порядка, из европейских уставов выбирали только то, что «приличествует токмо самодержавию». Нельзя преувеличивать и действия на русские умы политической литературы, компилятивной и переводной, печатной и рукописной, накопившейся при Петре I. Одобря чтение Пуффендорфа, Гуго Греция, Татищев сетует на распространение таких вредных писателей, как Гоббес, Локк, Боккалини, итальянский либерал и сатирик 16–17 вв., который в своем сочинении, изображая парнасский суд Аполлона и ученых мужей над властителями мира, представляет, как все государи, к великой досаде ученого судилища, присоединяются к принцу московскому, признавшемуся в своей ненависти к наукам и просвещению.

Хотя и безвредные для русского читателя идеи западноевропейской публицистики о происхождении государств, об образах правления, о власти государей изложены Ф. Прокоповичем в Правде воли монаршей, но этой краткой энциклопедии государственного права при всем интересе вызвавшего ее вопроса в 4 года не раскупили и 600 экземпляров. Большую долю брожения, хотя и в ограниченной сфере действия, вносило в политическое настроение высшего класса ближайшее знакомство с политическими порядками и общественными нравами Западной Европы, какое приобреталось людьми этого класса путем учебных и дипломатических посылок за границу.

Как ни тускло представлялись пониманию русского наблюдателя порядки заграничной жизни, все же он не мог на некоторых из них не остановить удивленного внимания. Он ехал за

границу с воспитанной всем складом русского быта мыслью, что без уставно-церковной подтяжки и полицейского страха невозможны никакая благопристойность, никакой общественный порядок, – и вот петровский делец Толстой отмечает в своем дневнике, что «венетиане» живут весело и ни в чем друг друга не зазирают, и ни от кого ни в чем никакого страха никто не имеет, всякий делает по своей воле, кто что хочет, но живут во всяком покое, без обиды и без тягостных податей.

Вещи еще удивительнее заметил во Франции другой петровский делец, Матвеев, сын просвещенного воспитателя матери Петра: «Никто из вельмож ни малейшей причины, ни способа не имеет даже последнему в том королевстве учинить какого озлобления или нанести обиду... Король, кроме общих податей, хотя самодержавный государь, никаких насилований не может особливо ни с кого взять ничего, разве по самой вине, по истине рассужденной от парламента... Дети их (французской знати) никакой косности, ни ожесточения от своих родителей, ни от учителей не имеют, но в прямой воле и смелости воспитываются и без всякой трудности обучаются своим наукам».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.